

Сорок семь секунд тишины

Для композитора Гии Канчели лучший подарок – молчание

Марина Гайкович

Композитор Гия Канчели, автор более двадцати симфонических и камерных произведений, а также музыки ко множеству фильмов (в том числе знаменитой «Чито-Грито» из «Мимино»), отметил свое 70-летие. Этой дате посвятил свой концерт Государственный академический симфонический оркестр под управлением Марка Горенштейна и кларнетист Юлиан Милкис. В Большом зале Дома музыки прозвучали пьеса «Ночные молитвы» и Пятая симфония Канчели. Накануне концерта юбиляр дал интервью «НГ».

Господин Канчели, как вы встретили свое семидесятилетие?

– Никакого пышного застолья не было. Я на несколько дней улетел в Ялту со скрипачом Гидоном Кремером и со своей су-

вместе исполняться (в программу вечера вошел Скрипичный концерт Мендельсона. – «НГ»). Кроме того, в Локенхаузе на фестивале Гидона Кремера исполнялось восемь или девять моих сочинений, и это тоже было связано с моим 70-летием. Я сейчас не говорю о единичных концертах, которые были в большом количестве.

– Вы часто бываете в Грузии?

– Два-три раза в году, если получается – четыре. Но ненадолго, к сожалению, все время у меня какая-то работа. Если бы там, где я живу, у меня не было работы, я жил бы в Грузии. Но поскольку у меня в Антверпене очень хорошие условия для работы – а работа всегда есть, – я сижу и работаю.

– Почему вы остались жить на Западе?

– Я не оставался. В то время когда я уехал на Запад, там уже не оставались, туда просто уезжали, с тем чтобы в любое время вернуться. Это до девяносто первого года уезжали и остава-

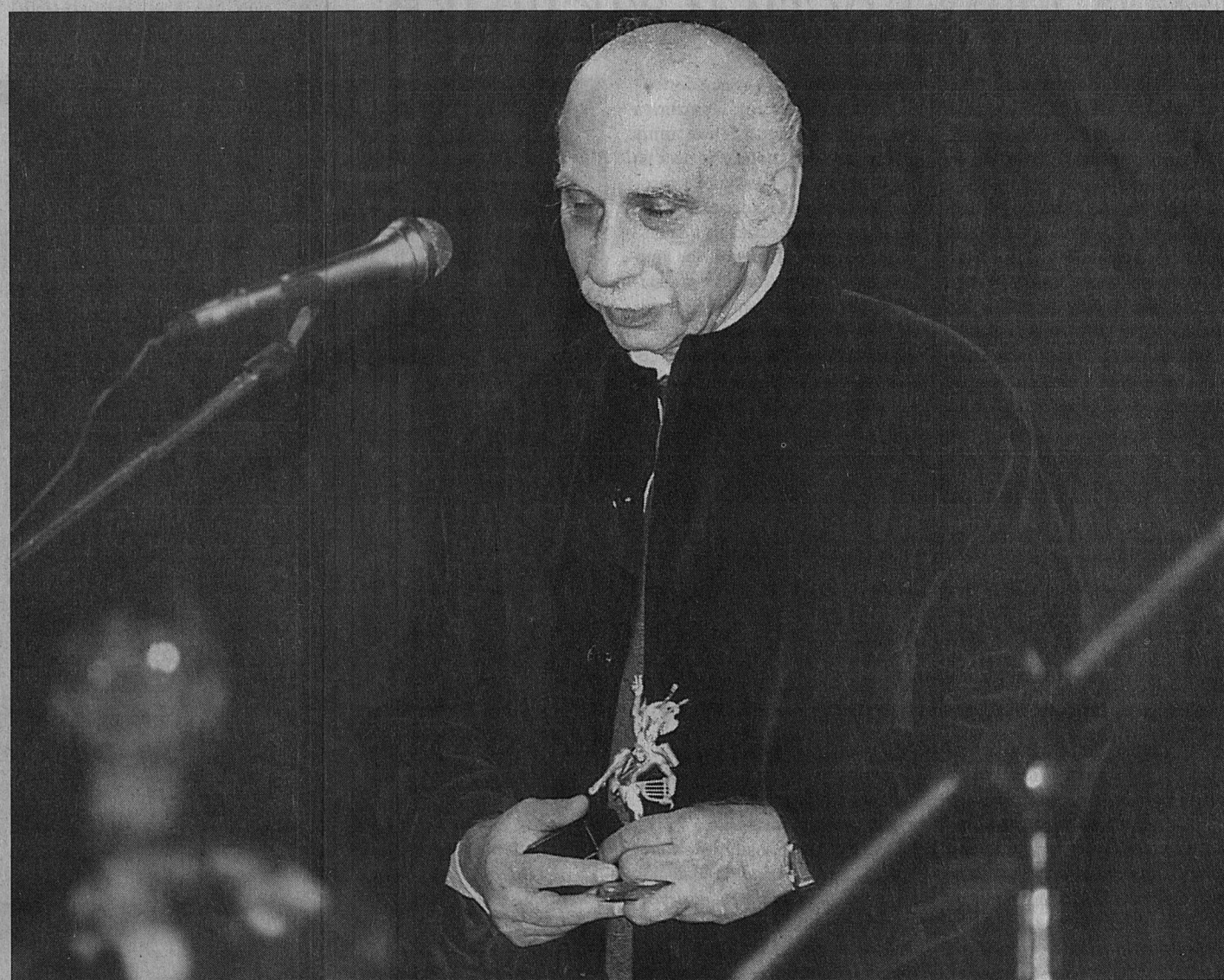
тых годов. Тот режим для меня был абсолютно неприемлем. Тогда я явно ощущал расцвет национализма, что ни в какой мере не принимал, не принимая и не буду никогда принимать. Кроме этого там были элементы такой культурной революции, когда приходили эмиссары тогдашнего президента к Джансугу Кахидзе в оперный театр и просили снять все оперы, которые связаны с именем Верди, Чайковского, Пуччини и так далее, – должен был идти только грузинский репертуар. В это трудно поверить, но это так. К великому несчастью, это все закончилось гражданской войной, были с обеих сторон жертвы, был разрушен проспект Руставели... Была настоящая трагедия. Именно тогда я написал первое сочинение на западе «Abii ne viderem» – «Ушел, чтобы не видеть».

– Вы придирчивы к исполнителям?

– В данном случае – вчера я был первый раз на репетиции, сегодня на генеральной – я просто не могу быть придирчивым, потому что Марк Борисович Горенштейн настолько точен в своем отношении к моей музыке, настолько правильно ее чувствует, что при всем желании я просто не могу возражать. Но бывает так, когда приходится придираться.

– Вы оставляете исполнителю место для некоторой свободы интерпретации?

– Исполнительская инициатива должна быть обязательно, потому что если автор музыки – индивидуальность, то каждый исполнитель тоже является индивидуальностью, у которой есть своя душа, свои эмоции, свой взгляд на мир, на то, что нас окружает, на то, что вокруг него происходит, это надо уважать. Если это не выходит за рамки. Предположим, запись моей симфонии, которая должна была длиться тридцать четыре минуты с чем-то, была записана за

Гия Канчели не хочет, чтобы кто-то знал, как трудно пишется музыка.

Фото Фреда Гринберга (НГ-фото)

Моя музыка не располагает к бурным овациям

пругой. Мы втроем поужинали в очень хорошем ресторане. Вот и все.

– А музыкальные празднества в связи с этой датой были?

– До 10 августа и после было множество исполнений, связанных с 70-летием, и еще два фестиваля. Один из них был в Сигулде, это в Латвии. «Кремелата Балтика» (Камерный оркестр Гидона Кремера) устроила фестиваль, и я там был один из приглашенных композиторов, и там играли много моей музыки. Там был также Десятников и... Мендельсон, вот с которым я сегодня опять буду

лись. Я отрицательно относился к режиму, который был в те времена, когда я, к счастью, получил стипендию Немецкой академии искусств, и мне очень повезло, что в это время я покинул Грузию. Когда стипендия закончилась, и я должен был вернуться обратно, там уже назревала гражданская война, и я решил переждать. И вот пережидая уже четырнадцать лет.

– А к нынешней власти в Грузии как относитесь?

– Вы знаете, положительно, хотя довольно критически. Но я не считаю, что сегодняшний режим чем-нибудь напоминает тот, что был в начале девяно-

двадцать одну. Вот когда такое бывает, это уже недопустимо.

– Опыт в драматическом театре влияет на симфоническую музыку?

– Прежде всего личности оказывают влияние: Георгий Николаевич Дanelия, с которым я сделал семь фильмов, или тот же Роберт Стуруа – с ним я сделал почти все, что он поставил за всю свою жизнь. Не только метод их работы и мироощущение, но и сами эти личности оказывают очень плодотворное влияние.

– Говорят, Дanelия очень требовательный и ему ничего не нравится...

– Да, ему ничего не нравится, потому что он человек очень музыкальный и добивается своего, так как знает, что ему нужно. Пока он приходит к тому, что ему нужно, он мучает и себя и окружающих. Но первым долгом – себя, поэтому ему надо все прощать, ведь в итоге результат бывает весьма положительным. Главное, чтобы слушатели или зрители не чувствовали тех трудностей,

которые испытывает творец во время работы. Им должно казаться, что это все очень просто складывалось, хотя за этим и стоял мученический труд.

– Где-то вы сказали, что знаменитую «Чито-грито» для «Мимино» написал Дanelия.

– Да, мне так осточертела моя популярность, связанная с этой песней, я уже начал говорить, что это все Дanelия. У Глики есть очень хорошее высказывание: «Народ пишет музыку, а мы, композиторы, только ее оркеструем». Так вот я начал

все сваливать на Дanelию, что он написал эту музыку, а я только ее приодел.

– Вами написано много театральной музыки, а из жанров только одна опера. Хватало реализации в театре или не было потребности?

– Я до определенного времени вообще театральную музыку не писал, а оперу написал только потому, что Джансуга Кахидзе попросили возглавить Тбилисский оперный театр. Он попросил меня написать оперу, я попросил Робика Стуруа написать

либретто, и вот так мы втроем создали оперу «Музыка для живых». Она была поставлена в Веймаре несколько лет назад. Был еще проект по инициативе камерного театра «Алмеида» в Лондоне: я должен был писать оперу, и Роберт Стуруа уже даже написал либретто, но сменилось руководство этого фестиваля и этот проект не был осуществлен. Хотя либретто было очень интересным – это были две последние недели жизни Фрейда. Он находился в госпитале в Лондоне в очень тяжелом положении. За ним ухаживала его дочка Анна, его навещали со всего мира поклонники, почитатели. К сожалению, мы не смогли этот проект осуществить.

– Какой самый дорогой подарок для вас как для композитора?

– Для меня самый большой подарок – это тишина, которая должна воцариться в зале во время исполнения произведения. Тишина имеет несколько градаций: я всегда чувствую тишину, которая просто вежливая, тишину, которая связана с заинтересованностью, еще бывает такая звенящая тишина, когда натягиваются невидимые нити между оркестром и залом, проводником этих нитей является дирижер. Вот, наверное, для меня это бывает самым лучшим подарком. И еще те несколько секунд, которые наступают после окончания моей музыки. Моя музыка никогда не располагает к бурным овациям, потому что она, как правило, заканчивается, уходя куда-то, непонятно куда: то ли куда-то вверх, то ли куда-то вниз, в сторону, это не имеет значения. Как правило, в конце всегда наступает тишина. У меня есть даже одна запись 85-го года, когда Курт Мазур закончил «Светлую печаль» – сорок семь или сорок восемь секунд в зале было гробовое молчание. Вот тогда, наверное, самый лучший подарок я получил. ■